

<Последние дни Андрея Белого>
Из дневника (декабрь 1933 – январь 1934 гг.)

<начало декабря 1933 г.>¹

<ус>троит его в спокойной палате, что меня будут пускать два раза в день... Б.Н. согласился, но сказал мне: «Как хочешь...». Когда Т.П.² ушла, было невыносимо... Ужас его перед разлукой со мной непередаваем. И еще... строго, серьезно глядя прямо в упор, меня спрашивал: «А ты им доверишь меня? Ты понимаешь, что делаешь? – ведь они с их методами...».

А что же иное могла? Ведь он уже бредил. Уже началось его «путешествие». Он оказывался в разных местах: то на багдадской железной дороге, то еще в каких-то восточных странах... И слабость росла. Почти не мог встать... Видела, все равно: дома не справиться. Повторяла одно: «Голубчик, прости! Ненадолго это. Зато найдут причину боли. Поправишься, будет легче». Он только брал мою руку, прижимался и глядел... покорно. Но с таким страданием... Сердце мое совсем уже разрывалось. – Вечером были Дания, Гриша, П. Нр.³ Переложили Б.Н. по его желанию («Раккурсы не те...») головой в другую сторону, вынесли ширму и еще некоторые вещи. В комнате стало больше воздуха... «Вот теперь хорошо. Вот эти ракурсы... Я тебе говорил»... – О клинике больше не говорили. А 8-го утром забежала Т.П.: удалось устроить отдельную комнату, я могу переехать вместе Б.Н. и быть при нем. – С каким восторгом выслушал это Б.Н.

Открыл глаза невеселый, затихший, точно приготовившийся принять неизбежное, страшное. – «Неужели! Какое счастье». И просиял... И сейчас же сразу заснул, как ребенок, держа мою руку со счастливым лицом... Нет, не могу писать дальше... Слишком... Не могу.

Часов в 12 пришла Р.Як.: заехала по пути к Д.М.⁴ Б.Н. ей очень обрадовался. Стал извиняться, что не писал Д.М. Просил его адрес⁵. Но... «путешествие» уже началось. Прощаясь с Р.Я., говорил, что мы уезжаем на Багдадскую железную дорогу. Это «путешествие» длилось до начала января, когда сменилось темами успокоения, потом рождения и, наконец, темой света. Каждый раз, просыпаясь, особенно утром, он находил себя в новом месте. То это была Швеция, то литовская граница, то Египет, Швейцария, Баку, Ассирия, Египет. Сознание, что мы не в Москве, очень беспокоило. «Когда уже мы приедем в Москву»... постоянный вопрос. Только потом уже я поняла, что под Москвой он разумел Долгий («дом»... «домой»), куда так стремился. «Когда уже приедем домой, в Москву»... Беспокоило, что нас увезли обманом, что мы попали в подозрительное место. Стоило много труда каждый раз его успокоить. Чаще всего, чтобы доказать доброкачественность места нашего пребывания, ссылалась на Петю⁶, что и он одобряет все, что здесь делается.

8-го к пяти часам стали готовиться к отъезду. Одели при помощи Гриши, Дани, П.Н-р. Еще встал и сделал несколько шагов – последних! – к носилкам... Невыносимо. Лег на них, мой родной... хотя сперва собирался сам подняться по лестнице до кареты. Милый, милый – опять не могу, прерываю...

2/II<1934 г.>⁷.

Несколько минут переезда: от нас до клиники так близко. Он лежал тихо-тихо. Мы с Г.А.⁸ сидели над ним. Захватила с собой его палку. Все казалось, если возьму ее – настанет время, когда он снова пойдет, на нее опираясь. Почти не говорили. Только рассказывала ему, где мы проезжаем. Плющиха – клуб каучук⁹, повернули – аллеей нашей любимой «версальской»¹⁰... Еще повернули... еще, и в ворота. Сердце сжалось: в этом здании, налево, на улицу, скончалась А.Д.¹¹ Но отогнала эти мысли. – Остановились. Вышли санитары.

Подняли. Понесли. Его – сразу наверх, с ним Г.А. Меня дежурный врач пригласил, чтобы записать «больного»...

Вот и я поднялась по широкой лестнице. Постучала... Няня открыла и повела. Вхожу... Комната длинная, узкая. Горит голая лампочка. Он уже лежал на постели... Родной! Он уже волновался, что меня задержали и за мной посылал. «Ну вот и она... А Вы беспокоились», – кто-то сказал. Просиял... схватил руки... И стал говорить Г.А. обо мне и о нас... – Скоро Г.А. ушел.

О как одиноко! Как страшно. Все рванулось: Домой! Не помню, как потекли часы... Заревело радио. Шумели голоса, гремела посуда. В комнате холод. И – муки боли. Волнение, где мы, зачем. Так вся ночь. Он метался, а я сидела возле на стуле, сжавшись в комок. Только давала иногда выпить боржома. К восьми утра – затих. Но был подавлен всей обстановкой. Просил: «Уедем отсюда! Домой... Нас завезли в какое-то подозрительное место. Тебя обманули. Мы не в Москве. Поедем в Москву...».

9/XII

Утренний обход. Вошел Леонид Исаак<ович>¹². – тихий и мягкий. Просила его успокоить Б.Н., что мы в Москве, что все благополучно. Немного повеселел. – Потом: Т.П. очень хорошо говорила с Б.Н. и его опять успокаивала. Но зато в три часа был очень тяжелый разговор с Ал.Н.¹³ Родной мой заволновался, запутался в речи...

Нет, бросаю. Не могу прикоснуться. Запишу только вкратце.

14/XII

Стал говорить о своем «бред»: «Еще вчера был бред? Почему я с таким упорством жду преследований. Будто бы уезжаешь далеко от всего этого и тем не менее ретроспективно ощущаешь преследование...»

Почему это идет этапами какими-то... (то одна эпоха, то другая...).

Вспоминает «сердечных» старушек¹⁴. Захотел им записочку написать. «Зачем я не с ними...».

Опять начиналось «путешествие».

 Бойтся, что движение не вернется. После разговора с Т.П. с большим интересом говорил о новых людях, с которыми столкнулся (врачи), о своем желании с ними работать (громко, горячо, сильно). Оживился, затанцевал руками и ногами. Едва успокоила. Потом начинал грустить: что я уйду домой.

15/XII

«Зачем мы здесь в этом доме.

Мы лишние. Тише, тише...

Какая это организация?

Моя душа не понимает мотивов (зачем мы здесь) и поэтому я чувствую себя неуверенно и тяжело».

Тоскливое настроение: «Неясный пункт, в который упираюсь каждый день».

16</XII>

Все еще «путешествие».

Говорил о «Масках»¹⁵: «Который раз «Москва» по-авторски разыгрывается. Не мог же я подделать...».

Парикмахер¹⁶ показался с «бакинской дороги... вроде Шишнарфне¹⁷».

«Что я больной – очень строптив?»

Вспоминал старушек и «полного любви» Вл. Ник. (Володю)¹⁸. Тосковал. Хотел опять писать им записки.

17/XII

О Раппопорте¹⁹: «Какое-то трезвое безумие».

«Совсем исчезли подземелья... Там какие-то стихии... А у тебя это тоже было? Или только у меня... Теперь нет этого... Тебе ведь легче от этого...».

Времени все так же не различает.

«А по настоящему какое теперь декабрь?»

«Расскажи мне, как ты идешь домой,ходишь... всю картину...» (рассказываю).
Слушает с напряженным интересом. Радуетя, волнуется, хочет сам домой. «Старушки», видеть их.

«Давно ли мы здесь?» (Месяца не помнит).

«Мы с Т.П. идем в круговой песне. И знаешь кто еще идет? Санников».

18/ХІІ

«Оно не растворяется во что-нибудь космическое? Оно укрепляется?»

Был очень тихий.

Заговорил о Кавказе, Паоло²⁰. Мы еще поедем туда.

«Все слежалось. Больно» (Затылок).

«Французы... испортили... Ваян-Кутюрье...²¹».

«Бельгийские социалисты²² испортили...».

19</ХІІ>

«Когда будет расширение дня? Когда оно пойдет на север?..»

«Будет всегда это сонное прозябание?»

Очень тихий, ласковый. Опять вспоминал старушек.

20/ХІІ

Ласковый. Когда уже придет старушка? (тетя²³).

Ждал Даню. Заснул. И очень рассердился, что она ушла, не повидавшись. Спрашивал про газеты, наш адрес.

Про Люсю: «Все еще?»²⁴

«Время – в этом болезнь твоего больного кота».

21/ХІІ

После пьявок: «Отпали все сомненья... Достигнута ясность». Счастливая улыбка.

«Какие-то победные звуки» (радио).

М.В.²⁵ тоже торжествует.

Тихий, ласковый.

Часов 10 вечера: жаловался и сердился, что сняли кальсоны: «Это сестры меня обнажили...»

22/ХІІ

Мало говорил. Доволен, что «анализы хорошие».

23/ХІІ

«Мы в районе Дорнаха?» (тревожно).

– «Нет, на Плющихе...» – «Как хорошо» со счастливой улыбкой.

Хочет увидеть Любочку²⁶, как знак того, что она в Москве: «Я все удостоверюсь».

– Опять говорил с любовью об Ал. Ник²⁷. Сердился на Гр. Ал.²⁸, что не заходит.

После 5 вечера – волновался:

«Я не могу года при тебе жить инвалидом... Как только узнаю, что движение не вернется – не буду жить...»

Убеждаю его, что поправится: «Смотри – я спокойна...»

– «Не вижу в тебе пессимизма... Но... тебе не говорят».

«Скажи Т.П.²⁹, что я из деликатности» (не говорю с ней, как с врачом).

«Говори об этом (о болезни) со мною... Как будто отваяю» (грусть).

Сравнивал ощущения рук: ладонь теплее... «Руки – холодные: эти ощущения... Давай об этом чаще говорить»... (легче).

Отец Н.Ст.³⁰ лежит уже 15 лет...».

На мои уверения, что все будет хорошо: «Хочу верить, что в словах твоих настоящая вера, а не нервный подъем».

Опять волновался: потеряна способность движения. Дежурный врач успокоил. Тихо заснул.

24</XII>

8 – пришла из дома. Встретил радостно. Доволен П.Н-чем³¹, который с ним оставался.

Движения – крепче, немного сам помогает, когда переворачивают.

11 – желудок. Волновался неблагоприятием. Острая боль сознания беспомощности. Взгляд... невыразимой грусти и отрешения...

Прочел записку от мамы («Ждем, когда вернетесь опять в кухоньку...»).

Грустно улыбнулся. Ничего не сказал.

Очень грустный: «Беспомощен...».

«Я не могу так долго жить... Как тебе жить... с таким, как я...»

Вечером опять те же темы:

«А не вычеркнуты ли мы с тобою из жизни...».

Ночью мучит<ельный> зуд в руках. Боязнь, что «заразили», отравили газами (иприт).

«Уяснилось существо "брёда"... Стало легче... А то – подозрения, что заражен (нарочно) чесоткой».

25</XII>

«Москва отвалилась» – «Но мы в Москве...» – «Ну будем играть, что мы не в Москве...».

Приступы раздражительности.

Потом снова: грустный, тихий: «Мы с тобой убогенькие».

Вечером: со смехом вспоминал отца, называл его «Летаевым»³²: «В лечебнице здесь какая-то летаевская действительность»³³. Хохотал.

27</XII>

Все еще «путешествие». Ассирия, Вавилон, Воины.

«Жутко среди этих стен. Что ты мечешься по этим коридорам? Египтянка ты что ли?»

... Вот что значит путешествовать безответственно.

«Т.П. и Сан<ников> – в контакте. Уютно это».

За завтраком: «Жевательный семафор поднят» – шутливо.

Жаловался: «Можно разлениться, лежа».

«Ничего... ни культурной работы...»

Говорит мало.

Спросил: «Где Олс<уфьевский>. переулоч... Здесь дядя Ж.³⁴ жил. Как сживается прошлое... с настоящим...».

Задремал. Я сидела на диване. Несколько раз окликал: «Клоденька...»

– «Что тебе» – ласково, с улыбкой: «Ничего...». Подходила, целовала...

Он ласкался, как ребенок...

– Опять бросаю.

Лучше буду над стихами возиться. Это еще не в силах...

«Символизм есть метод соединения отдельных черт разнообразных явлений, путем сопоставления этих случайных черт открывающий некоторое новое явление, обуславливающее элементы сопоставления. Случайный образ, в котором конечные черты в направлении, переносящем взор к тому, что за ними, начинают все более и более сквозить. Это просветляющее озарение придает образу неслучайную связь случайных черт». «Гриф», 1905³⁵.

36

10/II <1934 г.> Продолжаю.

27/XII

Отпустил меня неохотно.

Ночь была тяжелая. К 7 утра послал за мной Алешу³⁷, дежурившего с ним эту ночь.

28/ XII

Встретил с нетерпением. Болела голова. В 8-30 заснул. Скоро начали ставить пьетки. Боль не проходила. Высказываний не было. Три раза – рвота, последний раз уже в 2 ночи. После 5 забылся.

29/XII

Весь день на камфаре. Молчалив. Но узнает. Только к 7 вечера стал говорить отдельные слова: да, нет.

В 9 был Раннопорт. Узнал. Был спокоен. (Диагноз)³⁸.

К 10 – вокруг: тихо, тихо, шутливо «тиф, тиф, тиф»... наша шутка. Так мы переключались последнее время – с Коктебеля. – Ночь почти без сна.

30/XII

С улыбкой поздоровался. Очень тихий. Говорит очень тихо.

«Какой опыт мы проделываем»...

«Такого тщательного анализа...» (не кончил).

К 12 оживился. С Даней был веселый и ласковый.

Упомянул о Швеции. «Есть основания думать, что в Швеции получили последние импульсы...»³⁹.

Интерес к происходящему в соседней комнате (разговор сестер и врачей с больными).

К 7 стал волноваться: «Повисаем над смертельной опасностью...».

«Может быть, удастся пройти под кривым инцидента» (о болезни).

«... может быть, не зацепится...».

Грустил: «Я такой бессознательный человек» (моча)... Атрофированы эти способности...»

Говорит исключительно тихо, едва слышно. Приходится нагибаться низко, низко...

«Скажи мне тайны эмбриологии, которые ты знаешь лучше меня...».

Заснул в 2-30.

31/XII

Беспокоит (моча) бессознательность.

... «Пункт третий: перерождение сознания».

Вспоминал М.Ал. Чехова⁴⁰; о Татаринове⁴¹: «Вл. Ник. с его точными формулировками».

Позднее опять вспоминал «братья Чеховы».

С иронией говорил о «научных сотрудниках». «Няни лучше, чем научные сотрудники...».

Со смехом «когда-нибудь войдет в комнату «Kräftige Tante»⁴² (Т.П.)». Смеялся.

1/1<1934 г.>

Обрадовался Алексею Николаевичу⁴³, но связал его со Швецией.

Разговор со мною: «Раз объездить стоит земной шар».

К 4 с большим раздражением стал требовать: «Ну!» – «?» – «Когда же мы будем вставать? Едем отсюда. Давай мне туфли. Я хочу одеваться...».

Немного успокоился, когда переложил на другую кровать (эта была слишком коротка). Но потом опять заволновался: «Где мы? Уедем...».

Пришла Мария Вас<ильевна>⁴⁴. Успокаивали: «Вы недалеко от дома... сад этот за окном, выходит к задней стене сада Льва Николаевича...»⁴⁵.

– «Как хорошо» – ласково, с улыбкой «так значит это Ясенки...»⁴⁶. Очень, очень ласково.

Потом опять – волнение. Томление болезнью. Предостерегал меня: «Не очень доверяй».

«Войди в мое сознание... Там ничего не произошло такого?...» – «Нет, только огромная усталость. Желание покоя» – «Да, покоя... Они меня оставят завтра в покое...».

На мои уверения, что здоровье вернется: «Откуда у тебя такая уверенность?».

Очень ласковый, тихий.

После 9 вечера: «Мне страшно отъединиться от себя...» (уговаривала его заснуть). «Возьми меня в сон с собою. Мне страшно, что я запятнал себя перед тобой (почти со слезами, невыразимо грустно, с болью... о болезни своей).

«Боюсь, что с разрушением времени разрушено [зачеркнуто: пространство] простое, родное... Буддийские зоны... Не хочу».

Сильная жажда – очевидно после кровопускания. Сердился, когда я не решалась дать без разрешения сестры. «Скажи мне, какая ты?»

– Переходы к большой ласке, нежности. Снова раздражение.

«Обдумай: последний акт этой картины кончится не так, как думают авторы» (о себе и докторам)...

2/1

Предостерегал (9 утра): «Под флагом романтического мифа ворвутся... Неизвестно кто может ворваться...»

 Беспокоится, что над ним производят научный эксперимент. Говорил об этом с Т.П. Как будто успокоился.

Очень грустный, тихий и спокойный. В это время решался вопрос о вливании глюкозы. Отменили. Б.Н. об этом ничего не знал. Но ему, верно, передалось мое состояние. Меня ужасала возможность новых страданий при поисках вены и во время вливания, как это было при кровопускании. – Сразу стало легко и спокойно. – Шутлив.

3/1

Спокойный, ласковый.

12-30 – «Из Тайфуна вырвались...». Все требовал, чтобы я вытерла на своей щеке какое-то черное пятнышко: «Поскорее покончи с черным», и успокоился, когда я это сделала.

После 2 опять заволновался: «Вставать! Когда же мне можно одеваться? Давай вставать! Едем... А где мы остановимся...».

И снова переходы от раздражения к ласке.

Тема путешествия перешла в тему возвращения в Россию, – большое удовлетворение.

4 – говорит много, но спокоен, ласков: ...ликвидируется, разрешается... проясняется: вот темы. Подробнее записать не успела.

«Т.П. и Ал.Н.⁴⁷ мне интимно близки».

Тема северного полюса: телеграммы, известия, которые мы должны получить оттуда, доктор Северцев⁴⁸.

После ужина (к 7 вечера) – очень тихий.

«... А это ничего, что мы одни?... (было очень тихо, больные ушли, ни шума, ни голосов)... потому что я ухожу в сон...».

«Слишком приближаются эти шаги» (не поняла: какие).

После 8: начался порыв невероятной, невыразимой нежности, ласки, любви... Тянулся ко мне с сияющей улыбкой... обнял... хотел головушку свою на плечо мне положить: «как всегда».

12/II <1934 г.>

Продолжаю.

Тихо, шепотом с улыбкой счастья, так интимно, с такой невероятной силой любви: «Неужели я могу от тебя как-то зародиться?»... «Гайнственно зарождаюсь от тебя...» (Разговор, который навсегда в сердце). «Волненьем охвачен... Тепло любви... Приближаются души...».

После четырех ночи опять такой же порыв. «Проблемы нового сознания, перед которыми стоим... Надо разрешить... Подготовиться. Адамантовая, гранитная сталь проблемы духа... Должны быть сказаны совершенно новые слова... Перед огромностью их охватывает жуть...».

Слово «жуть» повторил несколько раз и также повторял об огромности... «Мы в каком-то смысле выходим...».

4/I

В час была тетя⁴⁹, потом парикмахер⁵⁰. – Спокоен, ласков, но невеселый с утра.

5 вечера: «Так неужели уже роковое место пройдено?».

Меряя t°, я волновалась, что будет повышенная. И когда оказалось, что 36,7, то я, обрадованная, бросилась с невольным возгласом радости: «Поздравляю...». И в ответ получила сияющее радостное: «Родился... Ведь подлинно родился...». Это было так неожиданно.

Но я вспомнила ночь.

К девяти состояние ухудшилось. Мне начинало казаться, что болит голова... Б.Н. сердился на невропатологов, – если бы не они, все было бы хорошо. И на меня: когда же это кончится. – Положила холодное на голову – успокоился. Часов в десять со смехом, иронически говорил о боях с доктором Северцовым.

Вспоминал Люсю: «А Е.Н. представляет себе...» (разумая свою болезнь). – Ночью опять повторилось вчерашнее. Около часу – не спит... переполнен счастьем. «Осуществилось». Счастливая улыбка. Нежен...

Едва могу выносить, чтобы не рыдать. И опять этот поразительный шепот...

«Я ведь не знал счастья. Теперь оно сходит... ключами лестницы... Младенец шевелится⁵¹. Может быть – два... Спасибо тебе, Клодинька... Такая ночь...».

О... как разрывается сердце... Оставляю. Не могу. Нельзя касаться...

¹ Начало дневника отсутствует.

² Татьяна Павловна Симсон (1892–1960) – врач-психоневролог, психиатр; ученица Н.Н. Баженова; впоследствии доктор медицинских наук, заведующая детской клиникой Института психиатрии АМН СССР. Она дружила с семьей Бугаевых и была своим человеком в их доме. Благодаря ее помощи Белого удалось госпитализировать. См. об этом в мемуарах Л.И. Красильщик, переписке П.Н. Зайцева с Л.В. Каликиной и др.

³ Д.Н. Часовитина, Г.А. Санников, П.Н. Зайцев. См. о них в примечаниях к дневнику Андрея Белого в наст. издании.

⁴ Роза Яковлевна Мительман (1891–1937) – жена Дмитрия Михайловича Пинеса (1891–1937), библиографа, историка литературы, друга Андрея Белого со времен Вольной Философской Ассоциации.

⁵ Д.М. Пинес был в 1933 г. арестован. «Особым совещанием при Коллегии ОГПУ 28 июня 1933 г. осужден по ст. ст. 58-10-11 УК РСФСР на 2 года политизолятора. В 1935 г. выслан в Северный край на 2 года. Отбывал наказание в г. Архангельск, не работал, проживал: ул. К. Маркса, д. 28, кв. 2. Арестован 6 февраля 1937 г. как "активный эсер". Тройкой УНКВД Архангельской обл. 23 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 27 октября 1937 г.» (Ленинградский мартиролог: 1937 – 1938. Т. 6. СПб.: РНБ, 2007; см. электронную версию проекта «Возвращенные имена: Северо-Запад России: http://www.visz.nlr.ru:8101/search/lists/t6/239_1.html).

⁶ Петр Николаевич Васильев. См. о нем в примечаниях к дневнику Андрея Белого в наст. издании.

⁷ Дата – 2/II – вписана синим карандашом на верхнем поле страницы и обозначает день, когда были произведены записи. Здесь и далее даты записей выделены нами курсивом.

⁸ Г.А. Санников.

⁹ Клуб завода «Каучук» (или: Дом культуры химиков завода «Каучук»), построенный на Плющихе (д. 64) в 1927–1929 гг. архитектором К.С. Мельниковым.

¹⁰ Речь, вероятно, идет о сквере на Девичьем поле, в котором Белый и К.Н. Бугаевы гуляли осенью 1933 г. См. дневник Андрея Белого в наст. издании.

¹¹ Александра Дмитриевна Бугаева (1858–1922) – мать Андрея Белого; скончалась в «20-х числах октября, а может быть и ноября. <...> в клинике Россолимо», как сообщала К.Н. Бугаева Д.Е. Максимова 22 августа 1936 г. (Лавров А. Штрихи к биографии Андрея Белого и К.Н. Бугаевой (По материалам архива Д.Е. Максимова) // Литература как миропонимание. Literature as a world view: Festschrift in honour of Magnus Ljunggren. Göteborg, 2009. С. 182). Григорий Иванович Россолимо (1860–1928) – зав. кафедрой и директор клиники нервных болезней, входивших в комплекс клинического городка на Девичьем Поле.

¹² Леонид Исаакович Марогулов (1903–1964) – психиатр, работал в клинике нервных болезней врачом-ординатором. Подробнее см. в публикации письма К.Н. Бугаевой Л.И. Марогулову от 16 января 1934 г. в наст. издании.

¹³ Алексей Николаевич Молохов (1897–1966) – психиатр, видимо, зав. отделением, в котором лежал Андрей Белый. Подробнее см. в публикации письма К.Н. Бугаевой А.Н. Молохову от 16 января 1934 г. в наст. издании.

¹⁴ Анна Алексеевна Алексеева, мать К.Н. Бугаевой и Екатерина Алексеевна Королькова, сестра А.А. Алексеевой, тетка К.Н. Бугаевой. Об отношении к ним Андрея Белого см. в его дневнике в наст. издании (запись за 6 сентября 1933 г.).

¹⁵ Имеется в виду 2 том романа «Москва». См.: Андрей Белый. Маски. М.; Л.: ГИХЛ, 1932.

¹⁶ Парикмахера Куренкова привел к Андрею Белому П.Н. Зайцев. По его свидетельству, парикмахер был пьян и взял за работу дорого, 10 рублей. См. записи П.Н. Зайцева в наст. издании.

¹⁷ Персонаж романа Андрея Белого «Петербург».

¹⁸ Владимир Николаевич Алексеев, брат К.Н. Бугаевой.

¹⁹ Михаил Юрьевич Раппопорт (1891–1967) – один из лечащих врачей Андрея Белого, в будущем известный невропатолог и невролог, профессор и заслуженный деятель науки (1953); с 1929 г. работал в Институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, с 1943 по 1952 г. – заместителем директора Института по научной части. См. о нем также в записях П.Н. Зайцева.

²⁰ Имеется в виду план Белого поехать осенью 1933 г. на Кавказ, куда его приглашал Паоло Яшвили. См.: Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 181–182.

²¹ Поль Вайян-Кутюрье (1892–1937) – французский писатель (в 1920-е гг. много переводился на русский), член социалистической партии, потом один из основателей французской коммунистической партии, с 1926 г. главный редактор газеты ФКП «Юманите».

²² Возможно, имеются в виду связанные с социалистическим движением политические и государственные деятели Бельгии: Эмиль Вандервельде (1866–1938), один из лидеров Бельгийской социалистической партии, с 1914 г. член правительства Бельгии, и Жюль Дестре (1863–1936), член Бельгийской рабочей партии и II Интернационала, депутат парламента (с 1894 г.) и министр науки и культуры правительства Бельгии (1919–1920). В 1917–1918 гг. Ж. Дестре был главой бельгийского дипломатического представительства в России. Белый общался с ним в 1912 г. в Брюсселе и неоднократно бравировал знакомством с «Жюлем Дестрэ, социалистическим депутатом, близким другом известного Ван-дер-Вельде» (Андрей Белый. «Между двух революций». С. 365). О встрече с Э. Вандервельде, вероятно, единственной, Белый также упоминает: «Вот – в театре. <...> Ася, я и Дестрэ, и М-ме Вандервельд; с ней меня познакомили; показывали и Вандервельда среди кресел партера; был скучный, простой разговор <...>» (Андрей Белый. Из воспоминаний «Начало века»

(«берлинская» редакция) // Андрей Белый. Собрание сочинений: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Под общей ред. В.М. Пискунова. М., 2000. С. 645).

²³ Е.А. Королькова.

²⁴ Речь идет о возвращении в Москву Елены Николаевны Кезельман, сестры К.Н. Бугаевой, арестованной в 1931 г. и высланной в Лебедянь. Подробнее см. в ее воспоминаниях в наст. издании и комментариях к ним.

²⁵ Неустановленное лицо. Как Мария Васильевна упоминается в записи за 1 января 1934 г.

²⁶ Вероятно, имеется в виду Любовь Исааковна Красильщик. См. ее воспоминания и прим. к ним в наст. издании.

²⁷ Вероятно, речь идет о враче А.Н. Молохове.

²⁸ Г.А. Санников.

²⁹ Т.П. Симсон.

³⁰ Возможно, имеется в виду Надежда Степановна Клименкова (1896–1973), дочь врача, преподавательница музыки, подруга Бугаевых. В 1931 г. она, как и большинство других членов Московского антропософского общества, была арестована и приговорена к 3 годам высылки. Однако 3 ноября 1931 г. приговор был пересмотрен и Н.С. Клименковой разрешили «свободное проживание по СССР» (Спивак М.Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 417, 532).

³¹ П.Н. Зайцев. См. описание этой ночи в его записях в наст. издании.

³² Отец Андрея Белого Николай Васильевич Бугаев выведен в его автобиографических романах «Котик Летаев», «Крещеный китаец» как математик Михаил Васильевич Летаев.

³³ Не исключено, что здесь имеется в виду атмосфера психиатрической лечебницы, в которую был помещен герой романа «Москва» Иван Иванович Коробкин. Его прототипом также послужил отец писателя.

³⁴ Георгий Васильевич Бугаев, брат Н.В. Бугаева, дядя Андрея Белого, проживал в доме № 5 по Олсуфьевскому пер.

³⁵ Андрей Белый. С нами Бог. Статья // Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905. С. 190–195.

³⁶ Цитата, на которую К.Н. Бугаева, вероятно, отвлеклась, отделена от основного текста синим карандашом.

³⁷ А.С. Петровский.

³⁸ Слово «диагноз» вписано карандашом, вероятно, позже. В «Летописи жизни и творчества» Андрея Белого, составленной К.Н. Бугаевой, отмечено: «29 декабря <1933 г.>. Диагноз, поставленный проф<ессором> Раппопортом: кровоизлияние в мозг на почве артериосклероза» (ОР РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 107. Л. 177). См. также обсуждавшиеся варианты диагноза в письме П.Н. Зайцева к Л.В. Каликиной от 18 декабря 1933 г. в наст. издании.

³⁹ Речь может идти о духовных откровениях, пережитых в октябре 1913 г. по дороге из Христиании в Берген (см.: Спивак М.Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 65–67) и в Бергене, во время лекции Р. Штейнера: «<...> *Христов Импульс стал ведом*; в Бергене у меня были удивительные, необъяснимые переживания, связанные с встречей со Христом; мне объяснились теперь впервые отчетливо и мои юношеские, апокалиптические переживания 1898 года, и впечатление от разговора с Влад. Соловьевым в 1900 году; и узнания лета 1902 года о том, что 2-ое пришествие началось. Я глубоко взволнован: все мистические переживания моей жизни синтезированы теперь; я обрел мистику юношеских лет; но эта мистика во мне теперь уже не мистика, не экстаз, а – верное ведение; и вместе с тем: мне ясно, что А<нтропософское> О<бщество> подготавливает в человечестве импульс Христов; мы не просто антропософы; мы – *Христиане*; нас непосредственно ведет Христос к свету; <...> мне открывается значение слов об умении читать оккультные письма; этими письмами являются мои поступки и жесты меня окружающих и посвященных в Христову тайну членов А.О.: мы – братство в братстве; мы – подлинные эзотерики» (Андрей Белый. Материал к биографии (интимный...) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Т. 6. С. 358–359).

В то же время Белый мог подразумевать принятие его и А.А. Тургеневой в июле 1914 г. в круг личных учеников Р. Штейнера, допущенных на «интимнейшие собрания у доктора для избранных членов, посвятивших себя духовной работе» (в так называемую ложу «*Mystica Eterna*»): «<...> доктор согласен нас допустить на собрания; но они бывают очень редко; в Дорнахе, например, они не предвидятся, но вот в начале июля доктор едет в Швецию и в городе Норчёпине читает шведам курс лекций; <...> если мы хотим попасть на них поскорее, то мы можем поехать в Швецию <...>; мы решаем в начале июля двинуться в Норчёпин»; «Более всего были охвачены мы переживаниями Норчёпинского курса; <...> его основная идея: закон кармы в христианском взятии в связи с идеей искупления Христом; доктор удивительно показал, что идеи кармы, перевоплощения и ответственности не только не противоречат идее искупления, но прямо вытекают из нее, если эту идею углубить и выпрямить из неправильных исторических и житейских искривлений ее; опять в волнах курса переживал я как бы омытие от всего грешного и земного, <...>; вообще курс связался для меня с переживанием тепла благодарности, подлинного смирения и любви; эта любовь как бы заливала все мое существо, переполняла меня; и я заставал себя – счастливо рыдающим, неизвестно почему» (Андрей Белый. Материал к биографии (интимный...). Т. 6. С. 396, 400).

О значении этих событий в духовной биографии Белого см.: Андрей Белый. Линия жизни / Сост. Спивак М.Л., Делекторская И.Б., Наседкина Е.В. М., 2010.

⁴⁰ Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – актер, режиссер, руководитель театра-студии МХТ-2, друг Андрея Белого и его ученик в антропософии; с 1928 г. в эмиграции.

⁴¹ Владимир Николаевич Татарин (1879–1966) – режиссер МХТ-2, сподвижник М.А. Чехова, приятель Андрея Белого, антропософ; в 1931 г. был арестован и выслан в Иркутск.

⁴² Сильная тетя (нем.).

⁴³ А.Н. Молохов.

⁴⁴ Не ясно, о ком идет речь.

⁴⁵ Имеется в виду усадьба Л.Н. Толстого в Хамовниках.

⁴⁶ Название деревни и железнодорожной станции в семи верстах от усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

⁴⁷ Т.П. Симсон и А.Н. Молохов.

⁴⁸ Мог иметься в виду знаменитый зоолог и путешественник Николай Алексеевич Северцов (1827–1985), о котором Белый слышал с детства, или его сын, тоже знаменитый зоолог Алексей Николаевич Северцов (1866–1936), которого Белый знал лично (См. его мемуары «На рубеже двух столетий». С. 110, 116; «Начало века». С. 113; «Между двух революций». С. 276).

⁴⁹ Е.А. Королькова.

⁵⁰ Ср. в записях П.Н. Зайцева в наст. издании: «Сегодня я привел ему нового парикмахера, тов. Соколова с Зубовской площади. Он лучше Куренкова и взял вдвое дешевле: только пять рублей». Об этом визите вспоминала К.Н. Бугаева: «Помню, как в клинике <...> Б.Н. <...> глубоко поразил приглашенного к нему парикмахера. В это время он был уже настолько слаб, что сам не мог бриться, а отставшие волосы его сильно беспокоили, и он с нетерпением ожидал "избавителя".

Когда тот вошел и, поклонившись издала, хотел раскрывать свой чемоданчик, Б.Н. вдруг с ласковой улыбкой протянул к нему руку и едва сказал:

– Здравствуйте... спасибо сердечное... что пришли... – (он с трудом говорил).

Лицо парикмахера, молодого еще человека, покраснело и дрогнуло; он почти растерялся.

Эти слова, улыбка. Жест руки, исхудавшей и слабой, едва отделившейся от одеяла, взгляд синих внимательных глаз, серьезно и прямо к нему обращенных, – все это было так неожиданно, так непривычно.

Когда процедура бриться окончилась и молодой человек вышел, порывисто и как-то бурно пожав снова поднимающуюся к нему руку, Б.Н. взглянул на меня и, как бы извиняясь, – врачи запретили ему все лишние движения, – тихо, но твердо сказал:

– Нельзя, ведь человек...» (Бугаева К.Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент.

Дж. Малмстада; подгот. текста Е.М. Варенцовой и Дж. Малмстада. СПб., 2001. С. 251–252).

⁵¹ Рождение младенца – постоянная тема «антропософского» Белого, тесно связанная с темой рождения «большого», духовного «Я». См., например, в «Предисловии» к «Котику Летаеву»: «Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза и сломало все – до первой вспышки сознания; сломан лед: слов, понятий и смыслов; многообразие рассудочных истин проросло и охвачено ритмами; архитектоника ритмов осмыслилась и отрянула былые мне смыслы, как мертвые листья <...>. Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза. Вижу там: пережитое – пережито мной; только мной; сознание детства, – сместись оно, осиль оно тридцатидвухлетие это, – в точке этого мига детство узнало б себя: с самосознанием оно слито; падает все между ними; листопадами носят смыслы слов: они отвалились от древа: и невнятица слов вокруг меня – шелестит и порхает; смыслы их я отверг; передо мной – первое сознание детства; и мы – обнимаемся: – "Здравствуй, ты, странное!"» (Андрей Белый. Котик Летаев // Андрей Белый. Собрание сочинений: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Под общей ред. В.М. Пискунова. М., 1997. С. 26). В «Материале к биографии (интимном...)» рождение младенца – знак «посвящения»: «<...> я себя ощущаю точно беременной женщиной, которой надлежит родить младенца; я ощущаю, что этот, рождаемый мною младенец – "Я" большое» (Андрей Белый. Материал к биографии (интимный...) // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Т. 6. С. 363); «Я понял, что посвящение мое в рыцари – духовный факт, и что в сердце моем родился младенец; мне, как роженице, надлежит его выносить во чреве ветхого сознания моего; через 9 месяцев "младенец" родится в жизнь. Разумеется, я эти странные, невероятные переживания скрыл от всех; но я вернулся с лекции с сознанием, что Св. Дух зачат в моем ветхом "я"; теперь это ветхое "я" будет распадаться, и меня постигнет какая-то странная, священная болезнь» (Там же. С. 365). Ср. также в стихотворении «Антропософии» («Из родников проговорившей ночи...»; 1918):

«Мы – вспыхнули, но для земли – погасли.

Мы – тихий стих.

Мы – образуем солнечные ясли.

Младенец – в них».